

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ФРАНЦУЗСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

Психоанализ во Франции. Время, рожденное для удивления¹

Ален Жибо, Андрей Россохин

Жибо Ален – Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Европейской федерации психоанализа (EPF), экс-генеральный секретарь Международной психоаналитической ассоциации (IPA), почетный директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов.

Россохин Андрей Владимирович – титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), доктор психологических наук, профессор, завкафедрой психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, рук. магистерских программ «Психоанализ и психоаналитическая психотерапия» и «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), президент Московской психоаналитической ассоциации (МПА), почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АРСВС), главный редактор журнала «Журнал клинического и прикладного психоанализа».

В статье описаны ключевые концепции французского психоанализа. Рассмотрены различные теоретические и технические аспекты переноса, контрпереноса, интерпретации, химеры бессознательного, après-coup и др.

Ключевые слова: французский психоанализ, перенос, контрперенос, интерпретация, химера, après-coup.

¹ Статья была впервые опубликована в книге: А. Жибо, А. В. Россохин. Французская психоаналитическая школа. М.: Питер, 2004.

«Психоаналитик не должен выражать желание быть англичанином, французом, американцем или немцем прежде, чем желание быть приверженцем психоанализа. Он обязан поставить общие интересы психоанализа выше национальных интересов».

З. Фрейд

письмо президентам различных психоаналитических ассоциаций, март 1932 г.

Влечение

Несмотря на тот факт, что психоаналитики Франции очень рано проявили интерес к переводу фрейдовских психоаналитических понятий на французский язык, необходимо отметить, что развитие психоанализа во Франции пошло по конкретному руслу благодаря аналитической работе, проведенной Жаном Лапланшем и Бертраном Понталисом, и появлению их знаменитого «Словаря психоанализа», который был переведен на многие языки, в том числе и на русский. В то же самое время анализ терминов сопровождался углублением смысла понятий, обозначаемых этими терминами. Одним из таких основополагающих является понятие «pulsion», «неосознанное стремление», которое очень часто переводится на другие языки как «инстинкт». А вот во Франции очень рано термин «Trieb» стали переводить как pulsion, «неосознанное стремление». С этой точки зрения отличительную черту французского психоанализа составляет его постоянная ссылка на произведения Зигмунда Фрейда и на его понятия, в то время как другие психоаналитические направления уделяют гораздо больше внимания постфрейдовским авторам, таким как Анна Фрейд, Мелани Кляйн, Уилфред Бион и Дональд Винникотт.

Совершенно справедливо, что понятие «pulsion», «неосознанное стремление», вошло в творчество Фрейда благодаря узконаправленным ссылкам на потребность (Bedürfnis) и на инстинкт (Instinkt). Как на это указывает сам термин (Trieb образован от Treiben, pousser (фр.) – «толкать»), понятие «неосознанное стремление» служит для обозначения моторной функции в организме: неопределенный «кусочек активности» вынуждает его осуществлять специфическое действие с целью получить удовлетворение. Таким образом, количество движения обретает качество в зависимости от анатомических мест, а цели служат удовлетворению. Именно это обстоятельство заставило Фрейда описать неосознанное стремление с помощью четырех характеристик: всегда активный толчок, истоки которого носят соматический характер и направлены на осуществление цели, получения удовлетворения при помощи случайного объекта. Подобная изменчивость источников, целей и объектов приводит к идее частичных неосознанных стремлений, каждое из которых ищет своего собственного удовлетворения. По мнению Фрейда, это представляет собой способ описания детской сексуальности, то есть сексуального, не сведенного к генитальному, что, таким образом, ставит под сомнение устоявшуюся идею о том, что сексуальность может характеризоваться только лишь ссылкой на твердо фиксированные цели и объект, как и предполагает инстинкт.

С этой точки зрения, понятие неосознанного стремления в психоанализе вписывается в общую проблематику живого. Многие французские психоаналитики часто напоминали о том, что Фрейд определяет его в биологической перспективе как «пограничное понятие между психическим и соматическим, как психический представитель возбуждения, зарождающийся внутри тела и достигающий психики, как мера требования работы, которая навязывается психике в соответствии с ее связью с телесной схемой» («Неосознанные стремления и судьбы неосознанных стремлений», Фрейд, 1915).

Впрочем, в других работах Фрейд описал неосознанное стремление как сам соматический процесс, который посылает в психику психических представителей: представителя-представление и часть аффекта. Это определение неосознанного стремления действительно находится в большем соответствии с клиникой, поскольку акцент здесь скорее сделан на материалах лечения, представлениях и аффектах, а понятие неосознанного стремления вводится вторично. Эта в большей степени метапсихологическая формулировка носит более строгий характер и лучше сочетается с идеей о судьбе представлений и аффектов, соотносимой с открытием бессознательного.

Данное фрейдовское противоречие в определении понятия неосознанного стремления лежит в основе различных психоаналитических направлений. Все зависит от того, делают ли они акцент на биологическом подходе, описывая непрерывный процесс неосознанного стремления к объекту, представляемому с момента рождения, как Мелани Кляйн, или же на метапсихологическом подходе, описывая, напротив, радикальный разрыв между потребностью и неосознанным стремлением, чтобы в действительности выделить топическое бессознательного в терминах представлений, в частности языковых представлений, как это делает Жак Лакан. С одной стороны, биологическая материализация неосознанного стремления, с другой – разоблачение понятия неосознанного стремления как одной из уловок, предпринятых Фрейдом для обозначения противоречивой и невыносимой параллельности между органическим и психическим, критика, которая вынудила Лакана исключить аффекты и тело.

Чтение произведений, опубликованных в данной антологии, показывает, что гораздо интереснее рассматривать подобное концептуальное противоречие у Фрейда как указатель размеров области сочленения и опосредствования понятия неосознанного стремления. Стремление Фрейда дать трактовку неосознанному стремлению, как правило, приводило его на самом деле к тому, что он придавал объективное содержание данному понятию. При этом он терял из вида то, что является его специфическими чертами. Тем не менее Фрейд преодолел подобный позитивизм в тех случаях, когда описывал неосознанное стремление в его движении, направленном на отделение от органической потребности и от возникновения желания. Эпистемологический подход, который присущ многим французским психоаналитикам, позволяет придать понятию неосознанного стремления его подлинный смысл как «пограничному понятию между психическим и соматическим» («Бессознательное», Фрейд, 1915)

и проиллюстрировать на примере клиники различных психопатологических организаций разные судьбы неосознанных стремлений.

Вот почему, несмотря на то что, по мнению Фрейда, метапсихологический подход к психическому феномену зависит от соотносительной *топки* психических систем судьбы представлений, введение понятия неосознанного стремления вынуждает разделять *экономическую* точку зрения, которая, согласно Фрейду, должна постараться «следовать за судьбами количеств возбуждения и добиваться по меньшей мере их относительной эволюции» (Фрейд, 1915). Говоря иными словами, необходимо принимать во внимание то, что именно в судьбах аффектов позволит организовать или не организовать соотносительный процесс символизации связи аффектов в рамках представлений.

Эти топическая и экономическая перспективы действительно являются неразрывными с *динамической* точки зрения, соответствующей основополагающему понятию конфликта. Это психический конфликт, который Фрейд всегда основывал на побудительном конфликте между двумя главными типами неосознанных стремлений. По мнению французских психоаналитиков, двойственный характер неосознанных стремлений необходимо толковать в соответствии со структурой психического объекта. Неосознанное стремление носит двойственный характер с самого начала благодаря *двойственности привязанности объекта*. Амбивалентный конфликт между любовью и ненавистью определяет рождение объекта. По мнению Фрейда, он проистекает из либидинального неосознанного стремления к связи с объектом и из разрушительного неосознанного стремления к разрыву этой связи. В психоаналитическом смысле неосознанное стремление связано со структуральным своеобразием объектной жизни. Хотя противопоставление между нарциссическим либидо и объектным либидо приносит определенную пользу в клиническом плане, противопоставление между неосознанным стремлением к жизни и неосознанным стремлением к смерти в гораздо меньшей степени направлено на описание побудительного конфликта, нежели на появление основополагающей функции неосознанного стремления: функции выделения фундаментального противоречия человека, для которого удовольствие, исходящее от объекта, всегда является травматическим по отношению к удовольствию, которое он стремится доставить себе сам.

Французские психоаналитики всегда были чрезвычайно внимательными, давая оценки различным психическим функционированиям. Они всегда принимали во внимание те средства, которыми располагает человеческая психика для того, чтобы противостоять этому травматизму, связанному с перевоплощением человеческой сексуальности, идентифицируемой с детской сексуальностью, не сводимой к генитальной сексуальности, в том смысле, в каком она была открыта Фрейдом. Работы членов Французской психосоматической школы, равно как и работы других авторов, посвященные не невротическим организациям (пограничные состояния, психозы), свидетельствуют о претворении в жизнь этого подхода. Все представленные работы стремятся показать, в какой степени сексуальность может либо повлечь за собой процесс соотносительного

разрушительного обращения в небытие привязанности объекта или к объекту, либо, напротив, положить начало процессу отрицания отсутствия, который соответствует организации акта желания в его непрерывности и который также определяет привязанности объекта или к объекту.

Хотя интерес к эпистемологической критике фрейдовских понятий можно заметить и в работах Лакана, тем не менее очень важно отметить, что французская психоаналитическая школа (не лакановская) поставила перед собой задачу вести работу по-прежнему в очень узкой области концептуализации, связанной главным образом с творчеством Фрейда, что отнюдь не исключает обращения к другим постфрейдовским авторам, таким как Мелани Кляйн, Уилфред Бион или Дональд Винникотт. Их подход к психическому функционированию всегда заключался в том, чтобы показать связи между работой над психическими представлениями и необходимостью принимать во внимание психическую организацию пациента. Подход этих исследователей к психоаналитическому процессу и к истолковывающей функции привел их к тому, что они начали скорее настаивать на конфликтности между эдиповыми и предэдиповыми, генитальными и предгенитальными уровнями, нежели помещать их в линейную и развивательную непрерывность. В техническом и клиническом плане они внесли очень большой вклад в такую область, как определение психоаналитических рамок, способных позволить подступиться к пациентам, которые не обязательно могут извлечь пользу от психоаналитических сеансов на кушетке, проводимых несколько раз в неделю. Именно это обстоятельство обуславливает появление многочисленных работ, авторы которых ставят перед собой задачу дать определение условиям проведения психоаналитической терапии «лицом к лицу», способной предоставить психоаналитическому процессу развиваться, не делая никаких уступок техническому нейтралитету психоаналитика, необходимому для психоаналитической работы.

Ребенок дня, ребенок ночи

В анализе, как и в первые годы жизни, знание себя приходит через понимание других – матери, отца, аналитика – «интерсубъектное становится необходимым посредником для осознания интрапсихического» (Green, 1988, p. 588). Это означает, что в ходе терапии акценты аналитической ситуации постепенно перемещаются с господства анализа интерессубъектной природы формирований переноса – контрпереноса на исследование *более глубоких уровней интрапсихического опыта пациента*.

Понимание Анрэ Грином интерессубъектного *в корне отличается* от смысла понятия «интерперсональное», активно используемого одним из направлений американского психоанализа. Во французской психоаналитической школе интерессубъектное означает взаимодействие между двумя *бессознательными* внутренними мирами; коммуникация при этом во многом основывается на возникающих в ходе игры проекции и интроекции, эмоциях и фантазиях у аналитика и пациента, *интрапсихическая*

реальность каждого из которых тесно связана с *бессознательным, влечениями и инфантильной сексуальностью*.

Французский психоанализ, как считает Андре Люссьер (1991), фокусируется на исследовании скрытого взаимодействия между двумя бессознательными процессами – переносом и контрпереносом. Для описания этого взаимодействия аналитики различных школ часто используют модель отношений матери и ребенка.

Во Франции написано много блестящих психоаналитических работ, показывающих, что мать может помочь своему ребенку стать самостоятельной личностью и «почувствовать, что жизнь – это созидательное и увлекательное приключение» (Макдугалл), только если в своей психической реальности она находится в контакте с *третьей стороной* – психической репрезентацией отца.

Дёниз Брауншвейг и Мишель Фэн (1975) внесли существенный вклад в понимание отношений мать – ребенок, описав важное значение для матери поддержания, сохранения и развития любовных отношений со своим мужем. В своей книге «Ночь, день» они утверждают, что в этом случае имеет место пара жена – муж, которая важна для развития ребенка как отдельного субъекта. Если подобных удовлетворяющих любовных отношений не существует или они чрезмерно конфликтны, то мать рискует бессознательно использовать ребенка как сексуальный и нарциссический объект для самой себя. Он становится «ребенком ночи».

Если же мать хочет, чтобы ребенок психически развивался, она должна следовать *его желаниям*, а не он должен удовлетворять ее сексуальные потребности. Для того чтобы иметь возможность делать это, она должна любить и быть любимой, то есть быть в достаточно удовлетворяющих ее сексуальных и нарциссических отношениях с третьей стороной – отцом ребенка. Это присутствие *Третьего* как раз и дает ей возможность быть *матерью* для своего ребенка, инвестируя в него как в «ребенка дня».

Фэн рассматривает чередование дня и ночи как ритм присутствия и отсутствия матери для ребенка. Днем – с ним, ночью – с отцом ребенка. Повторение дня и ночи происходит с одновременным постепенным образованием *эдиповой структуры*. Он вводит понятие «цензура любовницы» – дезинвестирование матерью своего ребенка: она укладывает его спать и снова становится сексуальной женщиной для сексуального отца – поддерживает развитие у ребенка реальной или воображаемой реконструкции родительской эротической пары, что служит, согласно Фэну, основным этапом индивидуализации младенца.

Цензура любовницы позволяет открыть аутоэротизм (благополучный и неdestructивный, если он следует после первичной нарциссической фазы, в которой мать оказывается в достаточной мере удовлетворяющей), и может послужить введением к любой фантазматической жизни (Бержере, 2001, с. 287).

Для матери, инвестирующей в «ребенка ночи», мальчик или девочка становятся бессознательной заменой мужчины-отца как объекта сексуального желания. Джойс Макдугалл отмечает, что в первичной эдиповой организации такая мать может «оставлять у ребенка ощущение,

что она относится к нему как к сексуальному дополнению или как к нарциссическому продолжению своего собственного Я, тем самым установив особую форму отношения к телесному Я своего ребенка. Такая организация часто связана с тем, что образ эдиповой пары занимает второе место по отношению к важной единице мать – ребенок» (Макдугалл, 2002, с. 119). Это становится возможным при слишком уступчивом, или отсутствующем, отце, собственные внутренние конфликты которого провоцируют развитие подобных инцестуозных отношений и подталкивают его к самоисключению из потенциально трехсторонних отношений. Тело и Я ребенка могут в этом случае стать объектами чрезмерных и конфликтных материнских инвестиций, и примитивные желания, страхи и защиты в психике ребенка возьмут верх над фаллически-эдиповым развитием. Макдугалл предлагает свои метафоры для «ребенка дня» – «дитя желания» и «для «ребенка ночи» – «дитя потребности». «Дитя желания» – это ребенок, рожденный от любви женщины и мужчины и воплощающий их ожидание, что он так же, как и они, станет любящим и желающим взрослым и родителем. «Дитя потребности» – ребенок, предназначенный для той или иной компенсации патологической психической организации матери или отца, у которых в голове, возможно, не существует никаких фантазий относительно будущей самостоятельной и сексуальной жизни их ребенка.

Взрослеющий «ребенок ночи», или «дитя потребности», рискует сохранить неосознанное убеждение, что он действительно сексуальное и нарциссическое продолжение матери и в конечном счете не существует как отдельный человек.

Самая ранняя внешняя реальность младенца – физическое присутствие матери и проникающее всюду воздействие ее бессознательного. Последнее включает в себя ее собственный внутренний мир, отношения с реальными и внутренними родителями и, что не менее важно для развития ребенка, – нарциссические и сексуальные инвестиции в его отца. Макдугалл убеждена, что привязанность матери к своему любовному партнеру носит решающий характер как для будущего развития эдиповой структуры, так и для предъявления ребенку нарциссических и либидинальных требований, призванных удовлетворить ее бессознательные потребности и желания.

Перенос – контрперенос

Описанные выше отношения отец – мать – ребенок – это модель *трехсторонней ситуации*, имеющей прямое отношение к аналитическому сеттингу, в котором присутствуют пациент, репрезентации отца и матери, аналитик и пространство, в котором разворачивается психологическая драма с участием всех персонажей. Метафора театра, на котором бессознательное ставит свою постановку, часто встречается во французском психоанализе. Как отмечает Дюпарк, «это – один из редких случаев согласия между Макдугалл, Грином и... Лаканом!» (Duparc, 2001, p. 161).

Концепция *аналитического пространства* является центральным организующим аспектом в позиции большинства французских авторов, но это происходит не только потому, что перенос и контрперенос образуют пару. Другая причина – то, что аналитическое пространство в целом начало *восприниматься как сцена* в психологическом плане. Сцена, на которой *топография взаимодействия и ситуация более важны*, нежели просто опыт одного или другого участника представления (лечения). Эта концепция возникла как ответ на крайние взгляды, с одной стороны, Саша Нашта, убежденного в необходимости слияния пациента и аналитика, и, с другой стороны, Жака Лакана, который хотел максимально увеличить дистанцию между ними, с тем чтобы чистый символ возник в этом расширенном пространстве. Один из ее создателей, Морис Бувэ, начал разрабатывать понятие расстояния между субъектом и объектом еще в 1958 году.

Психоаналитическое пространство может быть символизировано посредством кушетки. С одной стороны, пациент лежит на кушетке, что способствует развитию особых регрессивных психических состояний, которые могут быть описаны в терминах модели о первичных взаимоотношениях ребенка и матери. Однако, с другой стороны, этот же сеттинг, благоприятствующий нарциссической регрессии, не создает абсолютно свободного пространства без границ и пределов. Эти границы символически выражаются во временном сеттинге, ограничениях, связанных с основным правилом психоанализа. Кроме того, внутренние аналитические границы связаны с *постэдиповым Сверх-Я* – третьей стороной, которая связана с отцом. Мать заботится о ребенке как о ребенке дня, сохраняя в психике связь с его отцом как представителем Сверх-Я.

Это специфически французский путь размышления об аналитическом сеттинге в терминах символической репрезентации, способности для ребенка (пациента) развивать процессы вытеснения, способности думать, мечтать и выстраивать свой собственный внутренний мир. Подобно тому как это имеет место между матерью и ребенком, пациент также не является одиноко лежащим на кушетке рядом с абсолютно нейтральным аналитиком. Трансферентно-контртрансферентный процесс происходит между ними обоими. Как точно заметила Юртюбей, «аналитические отношения – это феномен, принадлежащий *двоим*. И если сейчас пациент уже не является объектом наблюдения, то и аналитик также не простое зеркало. Более того, в анализе всегда имеется *третий* – общее пространство на двоих, сотканное из их бессознательных» (*De Urtubey, 2002, p. 9*).

Аналитик, находясь в ситуации необходимости репрезентировать и отцовский, и материнский образы, с одной стороны, способствует процессу взаимодействия пациента с первичными объектами с неизбежной аффективной вовлеченностью всех участников. Однако, с другой стороны, он же содействует определенному выходу пациента из нарциссической регрессии, сохраняя связь с третьей стороной, которая устанавливает границы. Поэтому нарциссическая регрессия, находящаяся под контролем Я и являющаяся важнейшей частью общего процесса аналитической работы, возможна до тех пор, пока аналитик репрезентирует родительские

образы в терминах постэдипова Сверх-Я. Это означает, что он ставит границы отыгрыванию – это Сверх-Я, которое запрещает, но также и защищает от опасностей, связанных с нарциссической регрессией, способной приводить к слиянию, деструктивности и смерти.

В соответствии с этим, аналитический процесс является *асимметричным*. Эта асимметрия существует всегда, так как пациент приходит к аналитику рассказывать о себе все, что приходит ему в голову, в то время как аналитик сохраняет инкогнито. Мы видим такую же асимметричную ситуацию во взаимодействии матери с ребенком. И, конечно, во взаимодействии с ним отца. Это не взаимные и обоюдные отношения в духе равноправия и симметричности. *Асимметрия имеет важнейшее значение для психического развития как ребенка, так и пациента психоанализа. Она символизирует эдипову ситуацию – неустрашимое различие полов и поколений.* Существующая в аналитическом сеттинге асимметрия не означает, что аналитик автоматически занимает авторитарную позицию или становится кем-то, кто находится вне процесса – чистым зеркалом без каких-либо чувств.

Аналитический процесс – это трансферентные и контртрансферентные взаимоотношения, и в этом смысле они могут быть абсолютно симметричными только в случае полного ролевого отыгрывания. Для понимания процесса психического функционирования пациента необходимо принимать во внимание то, что непосредственно переживает аналитик, когда он является объектом проективных идентификаций. Эвелин Кестемберг проводит различие между контрпереносом и контротношением. Контрперенос, с ее точки зрения, является способностью аналитика переживать, испытывать аффекты и связывать их своими психическими репрезентациями, имеющими отношение к психическому функционированию пациента. Такой контрперенос служит позитивным инструментом аналитической работы. В то же самое время в анализе может возникнуть ситуация, когда пациент проецирует аффекты, аналитик переживает их и развивает соответствующую им реакцию. Это и есть контротношение – контрперенос в отрицательном (фрейдовском) смысле. В таком случае работа аналитика состоит в осознании своего контротношения и попытке ответить на вопрос: почему пациент подталкивает его к подобной реакции? Связывание аффектов пациента с психическими репрезентациями позволяет трансформировать контротношение в позитивный контрперенос, служащий целям анализа.

Парадоксально, но оригинальные французские взгляды на проблему взаимодействия переноса и контрпереноса образовались под влиянием Жака Лакана, крайне негативно относившегося к самому термину «контрперенос». Последний, в представлении Лакана, слишком *симметричен* с переносом, внушая воображаемую, типично зеркальную связь между пациентом и аналитиком. Он ассоциируется больше с диадными взаимоотношениями, в то время как в анализе они опосредствованы языком, а следовательно, *трехсторонние*. Кроме того, психоаналитики кляйнианской школы, разрабатывавшие это понятие в 1950-е и 1960-е годы, делали акцент преимущественно на *превербальной коммуникации и материнской*

модели контрпереноса. Лакан же всегда отстаивал роль, которую играет *отец*, – поддержку желания; имя отца, гарантирующее символический порядок; средство ухода из-под материнского господства.

Приверженность Лакана «смыслу Фрейда», его недоверие к очарованию архаического и превербального, идея о существовании триангуляции даже на ранних этапах жизни – все эти факторы повлияли на тех французских аналитиков, которые менее других были подвержены влиянию Лакана. Эти факторы подталкивали их к сохранению в своих концепциях контрпереноса всей эдиповой структуры, ее компонентов, первофантазий (*Duparc, 2001*).

Луиза Юртюбей (2002), предлагая свою классификацию теорий контрпереноса, относит работы большинства современных французских аналитиков (и себя) к четвертой группе, в которой контрперенос рассматривается как один из важнейших элементов аналитического пространства. Здесь он не является ни следствием непроанализированных конфликтов аналитика (первая группа), ни совокупностью всех чувств, испытываемых им по отношению к пациенту (вторая группа), ни материалом для самоанализа (третья группа). Перенос и контрперенос, согласно Юртюбей, являются элементами, составляющими единое целое, процесс совместной работы. Тем не менее, как мы уже обсуждали выше, в данной динамической паре роли аналитика и пациента все же *асимметричны*, так как регрессия является прерогативой анализируемого в большей степени, нежели аналитика, стоящего на страже границ и целостности психоаналитической ситуации.

Перенос и контрперенос рассматриваются французскими аналитиками не только с точки зрения дуальной связи в ситуации здесь и сейчас. Это всегда неотъемлемые элементы более широкого *трехстороннего, топографического и временного пространства*, которое на психоаналитической сцене ограничено надежной оболочкой – сеттингом. Три различные модели трансферентно-контртрансферентных взаимоотношений очень важны во французском психоанализе. Это работы Мишэля Неро́, Франсиса Паша и Мишеля де М'Юзана.

С точки зрения Мишэля Неро́, перенос пациента строится на основании контрпереноса со стороны аналитика. В своей книге «Перенос» (1974) он утверждает, что контрперенос первичен по отношению к переносу, логически и по времени предшествует ему. Для Неро́ *асимметрия переноса и контрпереноса* является основным элементом для сохранения аналитических отношений, ситуации и пространства.

Вместо того чтобы рассматривать контрперенос в *ограниченных* рамках как реакцию на перенос, он предпочитает *экстенсивную* теорию, которая расширяет понятие контрпереноса, включая в него все фантазии, идеи, чувства, интерпретации и реакции аналитика в продолжение всего времени, пока динамическая и конфликтная связь с лечением не утрачена. Как пишет об этом Дюпáрк, если перенос и контрперенос рассматриваются как переплетающиеся в диалектическом поле, это не означает, что они смешиваются. Один из важнейших аспектов при этом – пересечение аффекта и репрезентации в трансферентно-контртрансферентном

поле, в результате чего аффект одной стороны встречает психическую репрезентацию другой. Это гарантирует, что взаимодействие *бессознательное – бессознательное* не примет психотической формы зеркального подтверждения, не превратится в *folie a deux* (безумие вдвоем). Все же, несмотря на все необходимые усилия *по сохранению асимметрии переноса и контрпереноса*, первый не является чистым повторением прошлого, так как в противном случае, согласно Нерó, это приведет процесс к полной остановке: именно благодаря реальности контрпереноса «аналитик представляет собой не объект переноса, но его окончательный фантазийный предел» (Цит. по: Duparc, 2001, p. 158).

Франсис Паш, в отличие от Мишеля Нерó, не делает столь же революционных высказываний и придерживается доминирующей в современном психоанализе модели трансферентного невроза. Вместе с тем он вносит новый оригинальный смысл в так часто критикуемую фрейдовскую метафору зеркала. Зеркало – позиция аналитика в отношении пациента – не должно быть холодным и очень отдаленным. Пара аналитик – пациент некоторым образом напоминает конфликт Персея и Медузы. Персей смог избежать превращения в камень от ужасного взгляда Медузы потому, что не смотрел на нее прямо, а только на ее отражение в своем щите, который и был *зеркалом*. Смотря как бы на ее психическую репрезентацию, он смог победить. В этом открывается важнейший смысл психоаналитической метафоры зеркала для позиции аналитика – принятие во внимание мира репрезентаций. Это не прямые и непосредственные восприятия, которые иногда могут быть вторгающимися и причиняющими боль обеим сторонам. Мы здесь снова видим *трехстороннюю* модель и очередное напоминание об асимметричности психоаналитической ситуации, отличии аналитика от пациента. В модели Пáша перенос и его воздействие очень важны, но аналитик должен быть способным, используя щит Персея, принимать аффективные проекции пациента без чувства нарциссической раны и быть в состоянии продолжать взаимоотношения, чтобы способствовать трансформации аффектов пациента, их связыванию посредством собственных психических репрезентаций и передаче последних пациенту в виде интерпретаций.

Химера

Мы можем видеть, что модели Нерó и Пáша занимают крайние позиции с соответствующими акцентами на контрпереносе (Нерó) и переносе (Паш). В определенном смысле промежуточной между ними является концепция *психологической химеры* Мишэля де М'Юзана.

Любовь М'Юзана к творчеству помогает ему выйти *за пределы дихотомий Я – Другой*, пациент – аналитик, субъект – объект, перенос – контрперенос. Опираясь на идеи выдающегося французского философа Мерло-Понти (1999), в своей экзистенциальной феноменологии предложившего выйти за пределы противопоставлений субъекта и объекта путем описания того, что располагается *между ними*, мы можем сказать, что М'Юзán находит нечто глубоко важное, новое и потенциально более целостное

между переносом и контрпереносом – по ту сторону их диадного противостояния. Это новое предстает перед нами в виде нового организма, который он называет «психологической химерой» (М'Юзэн, 1994). Это монстр, с помощью которого конструируются особенные аспекты невроза переноса. Последний уже не может тогда рассматриваться как перенос инфантильных конфликтов в аналитическую ситуацию. М'Юзэн утверждает, что в химере психическая структура и деятельность аналитика во время сеанса выполняют решающую роль в построении невроза переноса. Мы видим здесь отчетливые связи его концепции как с точкой зрения Мишеля Неро́, так и с моделью Франсиса Пáша.

Химера, являющаяся смесью обоих участников диады – продуктом, полностью не принадлежащим ни одному, ни другому, создается аналитиком во время сеанса посредством «парадоксального способа функционирования», когда он становится *периферией* сознания пациента. По меткому выражению Жерара Байе́, «химера создается в зонах тени, там, где идентичность ревниво не охраняется. Это место слипания» (Bayle, 1996).

Бернар Шерве (1998) описывает, как переживаемый пациентом прошлый опыт обновляется в аналитической ситуации, если и сам анализируемый, и его аналитик начинают чувствовать колебания своих Я – колебания идентичности, сопровождаемые странным беспокойством; более или менее легкую *деперсонализацию*; иногда переживать еще более примитивные состояния, когда ребенок мог чувствовать себя как часть Другого. Аналитик во время сеансов стремится исследовать различные аспекты психической реальности пациента: сексуальную, нарциссическую, Я – идентичности. Однако, согласно М'Юзану, встретить их, узнать и вступить с ними во взаимодействие для аналитика становится возможным при условии, если он позволит себе самому войти в *симметричное колебание идентичности*, вплоть до состояния инфантильной растерянности, близкой к травматической ситуации, а следовательно, и к опасности.

Точное место для аналитика в этом случае – *место слушателя у «уст бессознательного»*. Психоанализ осуществляется тогда *от сказанного к услышанному* в идентификационном соединении, смешении. Как остроумно заметил Мишэль Неро́, аналитику платят за то, что он отказывается от своих мыслей и воспринимает ассоциации другого человека.

М'Юзан описывает, как два психических аппарата (пациента и аналитика), стремящиеся создать нечто целостное, создают некую разновидность неореализма, чудовища-химеры, оживленной особыми процессами, происходящими в парадоксальной системе². Парадоксальной ее делает *отчуждение, предложенное в целях получения свободы*. Эта система функционирует как совместный аппарат для двух психик с точным разделением вкладов каждой стороны: анализируемый предоставляет содержание, аналитик – процессы. Функциональные способности аналитика

² См. статью М. де М'Юзана в книге: А. Жибо, А. В. Россохин. Французская психоаналитическая школа, М.: Питер, 2004.

одалживаются анализируемым. Этот гибридный аппарат, созданный *двоими и для двоих*, М'Юзан рассматривает одновременно чудовищным и живым, обладающим пророческими способностями, способностями к предвосхищению и предсказанию, что помогает интерпретациям аналитика рождаться изнутри химеры. Как отмечает Бернар Шерве, рассматриваемая таким образом *функциональная взаимодополняемость* аналитика и пациента показывает ценность идентификационной близости – определенной *симметрии* между ними. Именно в это *первое время* – время химеры – интерпретационная работа психоаналитика не направлена на получение рационального знания. Это время глубокого аффективного и интуитивного познания психического функционирования пациента изнутри совместной химеры. Аналитик, дающий интерпретации из химеры, воспринимается анализируемым как *его другое Я*. Когда наступает *второе время* интерпретации, она направляется на лучшее понимание всех аспектов взаимодействия, происходивших в первое время, в том числе и на интерпретации, осуществленные изнутри химеры. Это второе время раскрывает *фундаментальную диссимметрию* между аналитиком и анализируемым.

Джойс Макдугалл (1978) не говорит о химере, но в ее теории примитивной коммуникации эта химера приобретает новые и интересные очертания. Ранние, превербальные травматические нарушения не регистрируются в предсознательном и поэтому недоступны для памяти. Младенцы не способны ни говорить, ни организовывать свои эмоциональные переживания. Они нуждаются в матери для того, чтобы справиться с ними и впоследствии *назвать* их. Пациенты, не имеющие подобного положительного опыта, стараются заставить аналитика пережить то, что для них невозможно не только осознать, но даже назвать. Примитивная коммуникация служит для эвакуации фрагментов первичного аффективного опыта в фундаментальный перенос, целью которого является *стирание любых различий между Я и Другим*. Если аналитик принимает это, он получает доступ к самым ранним переживаниям своего пациента – к «универсальной фантазии в психических переживаниях младенца, где есть только *одно тело* и только *одна психика* на двоих» (Макдугалл, 1999, с. 177).

Если Макдугалл описывает химеру как *одно тело* и *одну психику* на двоих, то Жан Гийомин видит психоаналитическую ситуацию как сближение *двух цефаллических³ пространств*, двух голов, теряющих свои границы, проникающих друг в друга и в некоторой степени смешивающихся. Их голоса и речь постепенно сливаются и превращаются в нечто единое, понятное только изнутри этой химеры, – одна голова и два разных тела.

Как отмечает Франсуа Дюпарк, воспринимающую способность аналитика определяет глубина регрессии, которой он достиг, будучи пациентом в ходе своего личного анализа, и умение выходить из химеры без потери идентичности. Согласно М'Юзану, создание химеры на двоих зависит от

³ От греч. *kephale* – голова.

того, сможет ли аналитик выдержать *определенную степень деперсонализации*. Аналитик любого пола должен уметь переносить «сумасшествие контрпереноса» – первичное материнское сумасшествие, не теряя полностью своих границ и оставаясь способным к их быстрому восстановлению. Состояния деперсонализации, пережитые будущим аналитиком в качестве пациента, одновременно с формированием профессионального аналитического свойства сохранять при этом определенную активность своего Я будут в конечном счете определять способность аналитика работать в химере, быть в состоянии переживать подобные моменты потери идентичности уже со своими пациентами.

Различные описания химер – гибридов «бессознательное – бессознательное» – дают представление о тех сложностях, с которыми сталкивается аналитик в своей работе. Совместное с пациентом создание такой химеры на двоих может легко превратиться в безумие вдвоем, когда оживший в целях терапии монстр пожирает своих создателей. В случае если аналитик полностью утрачивает свои собственные границы в работе с пациентом, химера может превратиться в поглощающего его монстра. Подобные переживания, протекающие под контролем аналитического Я, напротив, помогают аналитику лучше понять психическое функционирование своих пациентов и подчеркивают чрезвычайную важность воображения для развития внутреннего мира.

Морис Буве подробно описал опыт *деперсонализации*, который необходимо пережить *на кушетке* будущему аналитику и благодаря этому, впоследствии, – его пациентам. Это определенная потеря границ своей личности, но под контролем Я (при полной деперсонализации мы будем иметь психотического пациента). Такое переживание создает предпосылки для интернализации женственности. Фрейд говорил об одной биологической мертвой точке как для мужчин, так и для женщин – это отказ от женственности, пассивности. В этом смысле женственность – способность быть пассивным в отношении объекта, способность к получению чего-то извне без опасения подвергнуться разрушению, атакам, исчезновению. Аналитическая работа является во многом подобным опытом, в ходе которого пациент приходит к пониманию того, что отказ от такой женственности связан с нарциссическими страхами, необходимостью защищать собственный нарциссизм. Аналитический опыт переживания деперсонализации, который, собственно, и представляет собой нарциссическую регрессию под контролем Я, означает слияние с первичным объектом, примитивным имаго матери – в то же время опасным и деструктивным.

А. Грин (1975) также убежден, что достаточная связь психоаналитика с собственными «бесформенными состояниями» дает ему возможность улавливать их у пациента. Работа контрпереноса, которую он должен выполнить, состоит в том, чтобы допустить эти состояния пациента и трансформировать их в «пригодную для размышления» форму. Она компенсирует неспособность пациента проделать такую работу для самого себя. Когда психоаналитик успешно справляется с этой задачей, «то, что ранее переживалось им как беспокойство, трансформируется в чувство

удовлетворенности». Бесформенные состояния, согласно Грину, заполнены ощущениями, которые не принимают форму образов или воспоминаний, и здесь недостаточно ограничиться одним только осмыслением – необходимо мобилизовать все рефлексивные способности психоаналитика. Только психоаналитик путем придания внутреннего значения этому «бесформенному» материалу может трансформировать его в «пригодные для размышления» психические продукты, которые затем он сможет сформулировать в словах-интерпретациях для своего пациента.

Следуя идеям А. Грина, Педро Бошан предполагает, что когда психоаналитик способен выполнить необходимую работу контрпереноса, трансформируя «бесформенное состояние» в мысль, а затем в интерпретацию, он способствует микроидентификации пациента с функцией «объекта, который интегрирует диссоциированное» (*Boschan, 1987, p. 116*). Осуществление подобной задачи, с его точки зрения, накладывает на психоаналитика тяжелую обязанность: быть терпимым в отношении собственных диссоциированных аспектов и контейнировать их, сохраняя контакт с диссоциированными аспектами пациента. Если эта цель достигнута, то пациенту удастся избежать повторения прежних отношений и пережитый терапевтический опыт обогатит *обе стороны*.

Интерпретация

Понятие *мутационной* интерпретации впервые было введено британским аналитиком Джеймсом Стрэчи (Стрэчи, 2000). Начиная с этой ставшей уже давно классической статьи (1934), в англоязычном психоаналитическом мире качество мутационности имеют только *систематические* трансферентные интерпретации. Давая трансферентную интерпретацию, аналитик интерпретирует то, что происходит в данный момент между ним и пациентом (здесь и сейчас), и в то же время показывает, как это связано с объектами из прошлого пациента. Для Стрэчи эти интерпретации являются *мутационными*⁴.

Мы можем видеть, что сформулированные таким образом, эти интерпретации являются очень «вторичными» интерпретациями (опирающимися на вторичный процесс) – не такими творческими, как «первичные». Они больше связаны с конструкцией. Фрейд в своей работе о конструкции в анализе говорит о различии между интерпретацией и конструкцией. Для него конструкция связана с тем, что происходит сейчас, но одновременно связано и с прошлым. Это означает, что мутационная, по Стрэчи, форма интерпретации будет связана с конструкцией в смысле Фрейда – то есть со вторичным процессом.

Британский аналитик Дёниз Дункан, чья точка зрения близка идеям французского психоанализа, описывает интерпретации, которые нарушают процесс свободных ассоциаций пациента. Интерпретация, *адресованная предсознательному* пациента, *прерывает поток* ассоциаций,

⁴ См. его статью в первом томе Антологии современного психоанализа.

так как в ответ на объяснение, данное на основе вторичного процесса, пациент может думать только в терминах вторичного процесса. Напротив, интерпретации, обращенные к бессознательному материалу, находятся в едином потоке со свободными ассоциациями, оказывают динамический эффект и ведут к новым для пациента и аналитика открытиям (Duncan, 1989).

Интерпретации-объяснения имеют важное значение в анализе, однако, с точки зрения французских психоаналитиков, они не обязательно являются мутационными. Так, в частности, М'Юзán считает, что «интерпретации, сконструированные логично, формируют знание, полностью лишенное какой-либо мутационной возможности» (М'Юзán, 1994) (*курсив наш.* – Авт.).

Интересна эволюция, которую прошла концепция трансферентной интерпретации в англосаксонском психоанализе. Британский аналитик Дана Биркстед-Брин⁵ уверена, что «интерпретации здесь-и-сейчас» могут рассматриваться как *характеристика британской школы*, так как эти интерпретации применяются всеми тремя группами» (Birksted-Breen, 2003, p. 1502) (*курсив наш.* – Авт.). Вместе с тем она признает, что не все британские аналитики согласны с доминирующим использованием этих интерпретаций, и приводит в качестве примера Кинг (King), Коуч (Couch), Моллон (Mollon).

С точки зрения Перл Кинг, одной из наиболее выдающихся и старейших членов Британского психоаналитического общества, современный акцент на «интерпретации переноса как текущих отношений между пациентом и аналитиком в "здесь и сейчас" исключает использование многих ключевых технических понятий Фрейда» (King, 1996, p. 1). Она добавляет: «Понятие переноса, посредством которого аффекты, воспоминания пережитого в прошлом переносятся на настоящее и по-прежнему присутствуют в сознании пациента, игнорируется и заменяется *уравниванием переноса и отношений*. Таким образом, если аналитик интерпретирует отношения, считается, что он интерпретирует перенос» (*там же*, p. 3) (*курсив наш.* – Авт.).

Во французском психоанализе мутационная интерпретация в большей мере основывается на первичном процессе и не обязательно связана с переносом. Для Мишеля де М'Юзана, такие интерпретации – *аллюзивные, намекающие*. Он описывает их как конденсированные, состоящие из изолированных слов, неполных предложений, даже из иллогических конструкций, использующие аналогии и в этом смысле в большей степени связанные с образом, который в них рождается. Он уверен, что классическое «свободно парящее внимание» является точным, но в то же время слишком узким термином для обозначения состояния психоаналитического мышления, которое дает возможность осуществляться неуловимым моментам в процессе общения между двумя бессознательными.

⁵ Ее интерес к французскому *après-coup*, как и саму эту концепцию, мы рассмотрим ниже.

Эти неуловимые моменты находят свое выражение в коротких, иносказательных, заряженных аффектом интерпретациях при отсутствии каких-либо рациональных, вторичных объяснений.

А. Грин (1974) обращает внимание, что анализ, выполненный исключительно с использованием интерпретаций переноса, часто подвергает пациента непереносимому давлению. Он может принимать форму расследования, даже если эти интерпретации призваны помочь пациенту понять, что происходит внутри него. М'Юзан соглашается с Грином: «Во всех этих случаях пациент находится в позиции обвиняемого: это он наделен аффективностью, лишен способности к адаптации, имеет слишком вязкое либидо и подчинен дьявольскому бессознательному» (М'Юзан, 1994).

Уважение к сопротивлению пациента – одно из условий развития процесса психоанализа. В этом смысле одна из главных забот и М'Юзана, и Грина – понять, при каких условиях интерпретация будет интроецирована пациентом без чувства нарциссической раны и уязвленности. «Иногда необходимо, чтобы пациент проецировал себя на аналитика, т. е. входил в него для понимания того, что происходит здесь, но в равной мере существенно, чтобы время от времени оба "смотрели" вместе на *третий объект*» (Green, 1974, p. 416) (*курсив наш.* – Авт.).

Это причина того, почему французские психоаналитики делают различие между интерпретацией переноса и *интерпретацией в переносе*. Последняя осуществляется внутри ситуации переноса – контрпереноса – *из химеры*. В этом случае аналитик не обозначает перенос, т. е. не связывает то, что происходит «здесь и сейчас» с тем, что происходило в прошлом пациента. В противном случае подобная интерпретация будет *разделять* его и пациента. В *аллюзивной* интерпретации аналитик не называет также и себя или пациента, они оба просто находятся в химере, которая является их смешением. Если интерпретация *рождается в химере* – неизвестно, откуда она приходит, или от аналитика, или от пациента, – сепарации не происходит, и интерпретация будет нести в себе материал, прямо и непосредственно связанный с бессознательным пациента. Именно такая интерпретация и будет *мутационной*.

Клинический пример М'Юзана⁶ показывает, как аналитик в своем «парадоксальном контрпереносе» получает некий образ, который не имеет ничего общего с предыдущим рассказом пациентки об отношениях с матерью. Он видит очень фаллическое выражение ног и дает интерпретацию, основанную на его спонтанных ассоциациях. Пациентка немедленно отвечает появлением нового материала более высокого уровня психической организации. В своей интерпретации аналитик не использовал слово «пенис», но после нее пациентка, до этого в течение многих сессий говорившая о слиянии с матерью, о прегенитальных, архаических конфликтах, внезапно впервые начала говорить о кастрации. Данная спонтанно,

⁶ См. его статью в книге: А. Жибо, А. В. Россохин. Французская психоаналитическая школа. М.: Питер, 2004.

интерпретация оказалась очень динамической без какого-либо использования вторичного процесса. Эта интерпретация была сделана внутри переноса и исходила из химеры.

Интерпретация, сконструированная на основе вторичных процессов, может иногда оказаться для пациента настолько длинной, сложной и многоплановой, что он может просить аналитика повторить ее, так как для него невозможно даже просто запомнить все смыслы, которые она включает. Пациент может не понять ее, потерять или забыть часть смысла, и в результате слова аналитика останутся на поверхности сознания пациента, несмотря на возможно глубокий аналитический смысл, заключенный в интерпретации. В случае очень конденсированных, аллюзивных интерпретаций такого произойти не может. В ответ на них пациент может погружаться в молчание, но *не потому, что пытается понять* то, что сказал аналитик. Он будет чувствовать удивление и озадаченность, что поможет ему более спонтанно ассоциировать. Именно на получение такого эффекта и направлена «первичная» интерпретация. Мы можем даже сказать, что такая интерпретация приостанавливает работу вторичных процессов у пациента и открывает дверь свободным ассоциациям. Это подобно воздействию дзэн-буддийского коана, который невозможно понять, используя рациональное мышление.

В то же время, если для аналитика единственное значение будет иметь взаимодействие бессознательное – бессознательное, может иметь место опасность, что он будет или чрезмерно молчаливый и отсутствующий, или его интерпретации будут казаться слишком мистическими, подобно скупым репликам буддийского наставника.

Слишком систематические интерпретации переноса в «здесь и сейчас» иногда могут превращаться в «стерильные». Флоранс Кяртье-Фрин замечает, что, когда слова в интерпретации слишком «подходящие», формулировки просты и часто повторяются, язык может еще иметь смысл, но этот смысл не способен приводить к каким-либо изменениям, так как он более не свидетельствует о психической работе, производной которой он является. Аналитическая работа может быть красиво выстроена с языковой точки зрения, но повторяться круг за кругом, не принося ничего принципиально нового. Анализ здесь рискует стать бесконечным.

Когда аналитик начинает думать *по-другому*, а точнее, позволяет своему мышлению *приостановиться* и открывается *странным образам* из химеры бессознательного, его речь в интерпретации становится *живой* (Green, 1973) и *наполненной аффектами*. В этом случае формулировка интерпретации становится прямой и производимый ею эффект удивления приводит к появлению новых, необычных связей между словами и проявляющимися аффектами. Речь идет о *творческом движении мысли*, свойственном психоаналитическому мышлению в целом.

Аналитические моменты, связанные с внезапным возникновением чувства удивления у пациента или аналитика, трудно переоценить. *Удивление* – это верный признак того, что аналитический процесс определенно дает пациенту возможность переживания внезапного нового опыта относительно собственной психической реальности. *Быть способным*

удивляться – это значит быть в состоянии *принимать неопределенность*. Мы не знаем, что произойдет, и открыты новому неизвестному переживанию. Если субъект боится такого непредсказуемого будущего, он будет развивать защитные механизмы, которые, возможно, смогут обеспечить ему «предсказуемое будущее», несмотря на всю его возможную непривлекательность. Вместо того чтобы оставить свое психическое пространство свободным, открытым для нового, в том числе и позитивного опыта, такой субъект, твердо знающий, что будущее может быть негативным, трансформирует свою жизнь во что-то негативное. В этом случае он уверен, что не может произойти ничего, что бы удивило его.

Трансформируя реальность в знакомые смыслы, не оставляющие никакого промежутка, пространства для неопределенности, субъект старается защитить себя от вторжения неизвестного объекта. Для него все имеет *его* значение – *никакой неопределенности и никакого удивления*. Мы иногда встречаем пациентов, которые каждый шаг своей жизни соотносят с астрологическими прогнозами. Астролог может все объяснить – придать всему ясное и определенное значение. В мире, где нет неопределенности, нет творчества, неожиданности и развития. *В таком мире не может родиться время, приносящее удивление*.

В аналитическом процессе одна из важнейших задач аналитика – помочь пациенту *быть удивленным* в ответ на даваемые ему интерпретации. Конечно, такое возможно в первую очередь при аллюзивных интерпретациях, изначально связанных с идеей удивления, которое сначала может возникать у аналитика в ответ на приходящие ему образы и затем передаваться пациенту. В любом случае необходимо время, чтобы дать возможность удивлению открыть дорогу творческим процессам.

Возможно, несколько преувеличивая, Кяртъе-Фрин полагает, что аналитику необходимо «изобретать, поддаваться, быть одновременно ловким, хитрым и наивным, не бояться ошибиться, давать себя удивлять, но – без дезориентации и потери границ даже на короткое время. Именно так создаются языковые связи, *удивляющие* своей необычностью и взаимной асимметрией. Аналитик и анализируемый стараются говорить о мучительном и счастливом в жизни, поддерживая при этом процесс, единственная забота которого – найти *беспокоящие, чуждые или знакомые слова*, которые позволили бы связать мысли и чувства, постепенно приближая их друг к другу, хотя и различными способами, на пути к новым открытиям» (*Quartier-Frings*, 1995, p. 45).

Основываясь на теории языка Андре Грина и рассматривая ее как теорию интерпретации, Кяртъе-Фрин убеждена, что описанное им функционирование Я в анализе изменило понимание интерпретации, которая должна быть не столько облегчающей, устраняющей напряжение, сколько – *творческой*. В результате психоаналитическое мышление и практика оказываются перед неизведанным пространством, где связаны воедино язык, мысли и аффекты.

Французская психоаналитическая традиция – *слушать то, что следует за речью* – берет свое начало с работ Ж. Лакана, на которого повлияли лингвистические идеи Ф. де Соссюра. То, что следует за речью, – *смысл*,

и аналитик, по мнению Юлии Кристевой (1988), должен следовать за пациентом на уровне его речи, оставаясь открытым всем значениям, скрывающимся за ней. Это довольно трудный вид внимания, и аналитику необходимо более глубокое переживание состояния пациента, чтобы быть способным понимать смыслы *от его имени*. Как и Морис Бувэ и Мишэль де М'Юзэн, Кристева убеждена, что такая работа требует сформированности у аналитика умения регрессировать, следуя за регрессией пациента и сохраняя при этом достаточное присутствие своего Я. Результатом может стать сжатая, лингвистически и аффективно насыщенная интерпретация, прямо входящая в контакт с бессознательным пациента, сосредотачивающаяся на скрытых семантических аспектах психоаналитической коммуникации, на узловых точках, в которых бессознательные значения могут быть выражены с использованием метафоры или метонимии.

Как признает Отто Кернберг (1999), эти развиваемые во французском психоанализе «сохраняющие "загадочный" аспект интерпретации» не могут быть прямо соотнесены с трансферентными интерпретациями «здесь и теперь» и «там и тогда», являющимися главным техническим инструментом англосаксонских аналитиков различных школ.

Перенос для эго-психологов, кляйнианцев, независимых и интерперсональных психоаналитиков продолжает во многом оставаться «исключительным произведением пациента, бессознательным повторением в ситуации «здесь и теперь» патогенных конфликтов и объектных отношений из прошлого, причем *аналитик остается за пределами этих конфликтов*, что облегчает выяснение этих конфликтов последующим анализом схем переноса. Эта позиция часто связывается с традиционным понятием невроза переноса, который заключается в последовательном разворачивании в переносе бессознательных конфликтов пациента, с постепенной большей концентрацией этих конфликтов в переносе по сравнению с другими областями жизни пациента и с возможностью постепенного разрешения этих конфликтов *систематической интерпретацией переноса*» (Kernberg, 1993, p. 666) (*курсив наш.* – Авт.).

Кернберг сравнивает этот подход с *анализом переноса* во французской школе, уделяющей, как он пишет, значительное место глубокому наблюдению переноса, но интерпретирующей его подчеркнуто *несистематически* в противовес систематичности английских подходов, чтобы избежать авторитарного искажения переноса из-за слишком частых интерпретативных вмешательств.

Вместе с тем, как мы видели выше, это верная, но не единственная причина несистематического анализа переноса. *Главное различие* заключается в ответе на вопрос, какие интерпретации являются мутационными: трансферентные интерпретации, опирающиеся на *вторичные* процессы, или *творческие* интерпретации в переносе, имеющие в своей основе *первичные* процессы, занимающие свое место в *потоке свободных ассоциаций* и отпускающие на свободу развитие полисемии.

Ответ французского психоанализа на этот ключевой вопрос, однако, не заключается в выборе одной возможности из двух представленных. Психоаналитический процесс – это всегда *диалектическая связь* между

первичным и вторичным процессом; иносказательными и трансферентными интерпретациями; химерой бессознательное – бессознательное и взаимодействием аналитического Я и наблюдающего Я; приостановкой рефлексии и активностью психоаналитического мышления; деперсонализацией и интеграцией, в конечном счете – между вневременностью бессознательного и ограниченным временем анализа.

Мы должны научиться терять время, для того чтобы его обрести. Это еще один парадокс Мишеля де М'Юзана, впрочем, прямо согласующийся с рассмотренным выше: *научиться терять идентичность для того, чтобы обрести целостность.*

М'Юзан (1988) различает интерпретативную *тактику* и *стратегию*. Первая имеет в качестве цели ближайшие и последовательные действия и направлена на анализ содержания и переноса. Вторая уделяет больше внимания *ожиданию*, оберегает моменты *молчания*, прибегает к интерпретации лишь время от времени и направлена в большей степени на психическое функционирование.

Во французском психоанализе проводится различие между интервенцией и интерпретацией. Интервенция, например, – объяснение внутреннего конфликта пациенту – может играть важную роль в аналитической ситуации. Аналитик в своей работе с пациентом должен *сохранять баланс между различными видами интерпретации*, используя их в зависимости от развития психоаналитического процесса, принимая во внимание интерпретативную тактику и стратегию.

В одних ситуациях интерпретация в переносе *создает условия* для анализа самого переноса. В других сначала необходимо использовать интерпретации, которые будут помогать пациенту понять собственные конфликты, противоречия. И только впоследствии будет возможно использовать аллюзивные интерпретации с их более глубоким динамическим эффектом.

В этом смысле психоаналитический процесс – это развитие отношений аналитика и пациента на *двух уровнях*: уровне *первичной идентификации* (химеры) и на уровне *вторичных* процессов, связанных в том числе и с *постэдипальным Сверх-Я*, наблюдающим за сохранением границ аналитического сеттинга. Одновременно с этим одна из важнейших задач аналитика – не просто сохранять осознание этих двух уровней взаимоотношений с пациентом и наблюдать за их развитием, но и способствовать их *диалектическому взаимодействию* друг с другом сначала в *своей психической реальности*, затем постепенно в *совместной химере* и после этого все больше и больше – в *психической реальности пациента*. Иметь свободно парящее внимание для аналитика не означает быть полностью затерянным в собственных спонтанных ассоциациях и в соответствующих им интерпретациях.

Еще одна известная оппозиция – выбор между интерпретациями *архаического* (*прегенитального* и доэдипова) материала и интерпретациями, относящимися к более зрелой (*генитальной* и *эдиповой* позиции). И в этом случае – это не выбор или-или, а скорее проблема анализа *противоречий* между производными *частичных* влечений, с характерной для

них раздробленностью влечения, и *более интегрированными* желаниями. Тревога происходит из неадекватного разрешения этого *конфликта* и не может быть отнесена целиком *только к одной из его сторон*. Как отмечали Рене Дяткин и Жанин Симон (1987), интерпретация должна придавать смысл в меньшей мере *содержанию*, «одному или нескольким элементам», чем *«психическим противоречиям, спровоцированным аналитической ситуацией»* (р. 30).

В целом для французского психоанализа характерно пристальное внимание к архаической сексуальности, особенно к архаическому эдипову комплексу, который рассматривается в тесной связи с прездиповыми симбиотическими отношениями мать – ребенок.

Жанин Шасгэ-Смиржель⁷ показывает, что есть особенный архаичный эдипов комплекс, в котором принцип реальности вступает в борьбу с принципом удовольствия, представленным материнской маткой, в которую ребенок мечтает вернуться. Принцип реальности, в свою очередь, характеризуется всеми препятствиями, с которыми ребенок сталкивается в его желании вернуться в материнское тело: отец, пенис, родной брат или сестра. Все эти препятствия к возврату в материнское тело являются частью отцовской сущности и связаны с реальностью с тех пор, как эта реальность мешает ребенку вернуться в материнскую вагину. Все это – путь вступления реальности в мир принципа удовольствия. Не стоит думать, что есть кто-то, кто не имеет препятствий. Отец тесно связан с архаической матерью эдипова комплекса. Он весь в оппозиции к этому мягкому миру удовольствия, растворенному *беспрепятственно* в материнском теле. Отец не может существовать в нем (*Chasseguet-Smirgel*, 1986).

Акцент французского психоанализа на тесной взаимосвязи между прездиповыми и эдиповыми конфликтами и структурами, по свидетельству О. Кернберга (1993), приводит ко все более возрастающим сомнениям в ценности линейной концепции развития от оральной к анальной и далее к генитальной и эдиповой стадии.

Подлинно эдипово структурирование реальности, архаическая эдипова ситуация, указывает на *исходную функцию отца как третьей стороны*, – «отцовской надписи» в доэдипальных стадиях развития (Ю. Кристевá), – служащей препятствием для симбиотических отношений между матерью и младенцем, так что продвижение вперед от архаических эдиповых к продвинутым эдиповым психическим структурам совершается *одновременно* с развитием оральных и анальных конфликтов.

Крайнюю позицию здесь занимает Мишель де М'Юзан, который придерживается взгляда, что психические изменения возможны в классическом психоанализе без интерпретации прегенитальных конфликтов. Он считает, что многие аналитики говорят о «нарциссической слабости» пациентов, но этого не следует преждевременно опасаться. Для каждого типа пациентов М'Юзан ставит перед аналитиком задачу проработки

⁷ См. также ее статью в книге: А. Жибо, А. В. Россохин. Французская психоаналитическая школа. М.: Питер, 2004.

кастрационного комплекса и выхода на эдипов уровень – преодоление прегенитальной фиксации и освоение нового уровня развития либидо. В конечном счете он уверен, что, следуя его методическим рекомендациям, можно осуществить подлинный психоанализ продолжительностью не более трех лет, однако не рекомендует свою методику «обоснованных рисков» начинающим аналитикам.

Не в такой радикальной форме, но в том же духе французские психоаналитики рассматривают интерпретативный процесс как прогрессивный вектор, *указывающий основное направление* – от архаичных к более зрелым аспектам эдипова комплекса.

Для аналитика иногда бывает важно признать, что необходимо приводить анализ к завершению – даже в том случае, если у него есть чувство, что он не проанализировал еще все, что возможно. Потребность проведения *максимально полного анализа* всех аспектов психического функционирования пациента – это проявление *фантазии о всемогуществе*.

Один из научных коллоквиумов, проходивших в Парижском психоаналитическом обществе, был посвящен проблеме завершения анализа. На нем подчеркивалось, что окончание анализа должно оставлять пациенту *психическое пространство*, в котором он будет внутренне работать в постаналитический период. Если допустить, что возможно проанализировать все, то такой анализ не даст пациенту такой перспективы и сделает невозможным его дальнейшее личностное развитие.

В случае когда личная концепция психоаналитического процесса у аналитика (может быть, даже неосознанно для него самого) основана на модели «младенца, находящегося у груди матери», он будет склонен к работе с высокой частотой сессий, например пять сессий в неделю, и проработке всего, что возникает на прегенитальном уровне анализа. Если его пациент имеет прегенитальную фиксацию, то такой анализ рискует стать бесконечным – в реальности, а не в смысле вневременности бессознательного.

Когда внутренняя концепция анализа основана не на контейнировании любой ценой и полной проработке прегенитальной ситуации, а выстроена вокруг главной идеи – *от архаического к зрелому эдипову комплексу*, – аналитик может устанавливать сеттинг с меньшим числом сессий. Его интерпретации в этом случае не блокируют пациента на прегенитальном уровне, но сфокусированы на помощи ему в движении от переживаний преэдипова уровня к эдипову опыту. Такая работа создает возможность более быстрого терапевтического прогресса и может приводить к сокращению времени анализа без потери его эффективности.

Все сказанное не означает, что мы должны игнорировать прегенитальный материал. Психотические пациенты, например, могут предъявлять материал, который производит впечатление эдипова, но в действительности является прегенитальным. Интерпретация его как эдипова будет вызывать ощущение вторжения у пациента, внося дополнительное напряжение и возбуждение. В подобных ситуациях необходима тщательная работа с прегенитальным материалом *при одновременном постоянном*

размышлении о возможности пусть даже самого незначительного продвижения к эдипову уровню.

В своем вступительном докладе к 42-му конгрессу Международной психоаналитической ассоциации (Ницца, 2001) Жан-Люк Доннэ различал две полярные модели аналитического процесса: (1) отказ от чрезмерных интерпретаций в пользу «*молчаливого слушания*» аналитиком пациента – широко распространенный во Франции, и (2) интенсивную и систематическую объяснительную активность, выявляющую внутреннюю *обязанность* интерпретировать. Соглашаясь, что молчание аналитика способствует получению пациентом важного опыта одиночества в присутствии объекта, Доннэ тем не менее замечает, что оно – в зависимости от пациента и хода психоаналитического процесса, может приводить к разным, часто очень противоположным результатам.

Интерпретативная концепция Андре Грина, сформулированная им еще в 1974 году, представляет из себя динамический баланс между этими двумя крайними моделями, описанными Доннэ. Анализ, согласно Грину, «определяется не столько самой регрессией, сколько процессом регрессия – прогрессия, движениями вперед и назад, вызванными сопротивлением пациента. Этот процесс нужно поддерживать, чтобы помочь пациенту найти оптимальный для него ритм. Это подразумевает не только молчание со стороны аналитика (разрешающее молчание), но и прогрессирующий интерпретативный подход в отношении регрессии пациента» (Green, 1974, p. 416). По его мнению, *цель анализа состоит в том, чтобы подготовить пациента к самоанализу*, что согласуется с Винникоттом (2000), утверждавшим, что способность использовать объект тесно связана с его выживанием после разрушения. «Пациент должен быть способен использовать аналитика и его интерпретации как объекты, которые помогут ему в достижении способности быть в одиночестве (без аналитика) – сначала в присутствии аналитика, а позднее и без него, как будто бы он *потенциально* присутствует, в то время как фактически его нет. Таким образом молчание может сначала восприниматься как пустое пространство, которое по мере продвижения анализа становится заполненным – пространством, полным фантазийных объектов: анализ не заинтересован в его разрушении, но скорее в его преобразовании таким образом, чтобы это приносило пользу пациенту» (*там же*, p. 416).

Грин подчеркивает, что *молчание в психоанализе* – не просто отсутствие речи, как в повседневной жизни, – оно *наделяется аффектом*. Эти аффекты могут быть проявлениями слияния или разрушения, и поэтому *дозирование молчания* очень важно. «Иногда молчание может репрезентировать общение, присутствие аналитика. В других случаях – отсутствие, смерть или пустоту. Важно не столько «количество» молчания, сколько его «качество» – свойство, определяемое исключительно аналитиком. Нет жестких правил относительно молчания: каждый конкретный случай требует соответствующего отношения. Здесь уместна идея Винникотта о «способствующей атмосфере». Молчание должно оцениваться с точки зрения помощи, которая в нем предлагается пациенту, и от него не обязательно отказываться в попытке избежать фрустрации. Язык, в противоположность

молчанию, играет посредническую роль между удовольствием и недовольством, а не только между слиянием и разрушением (*там же*, р. 418).

В соответствии со своей концепцией химеры, Мишэль де М'Юзэн предлагает рассматривать молчание аналитика как *способ создания химеры*. С его точки зрения, если аналитик много говорит, он будет говорить вдоль линии вторичного процесса и использовать соответствующие интерпретации. Молчание становится необходимо для создания пространства, в котором могут рождаться аллюзивные интерпретации, способные приносить динамический мутационный эффект. С другой стороны, *слишком много молчания* может провоцировать чрезмерно сильную регрессию. Концепция молчания прямо связана с идеей об аналитике, который *не слишком присутствует и не слишком отсутствует*. Мы снова возвращаемся к модели отношений между матерью и ребенком. Согласно Фрейду, Винникотту и Биону, если мать слишком присутствует, то для ребенка нет пространства для развития, все его желания удовлетворяются, и он не имеет возможности думать самостоятельно. Но если мать чрезмерно отсутствует, он может сначала пребывать в галлюцинаторном удовлетворении, которое постепенно будет приводить к росту недовольствия и порождать различные травматические переживания. Аналогично этой модели, аналитик должен находить для каждого пациента достаточно хорошую дистанцию между своим присутствием и отсутствием. Если он слишком отсутствует с пациентом, который сам склонен к этому, они не смогут найти контакт друг с другом. Если же аналитик чрезмерно присутствует со слишком присутствующим пациентом, анализ может превратиться в *арену для нарциссической борьбы*.

В терапии аналитики часто сталкиваются с пациентами, которые не выдерживают малейшего молчания, потому что боятся появления какой-либо пустоты. Когда такой пациент становится более молчаливым, это может иногда свидетельствовать о значительном прогрессе в анализе и дать аналитику возможность быть более восприимчивым к тому, что происходит во внутреннем мире пациента.

В аналитической работе, как и в отношениях мать – ребенок, важно сохранять хороший баланс между отсутствием и присутствием, между пассивностью и активностью. Для матери, как мы уже описывали это выше, достижение такого баланса становится возможным, если она сохраняет связь с *третьей стороной* – отцом ребенка; для аналитика такая *третья сторона* – *постэдипово Сверх-Я*.

Время и *apres-couper*

Проблема времени лежит в самом сердце психоаналитической теории и практики. Понимание времени и отношение к нему в терапии является, возможно, наибольшим различием французского и англосаксонского психоанализа. В то время как последний опирается на линейную, эволюционную модель: прошлое – настоящее – будущее, первый акцентирует нелинейность времени и диахронную гетерогенность психического аппарата.

Грин (2000) ясно показывает существование «расколовшегося времени», приводя в качестве примера собственные ассоциации по поводу сновидения, увиденного им накануне. Он описывает это особое время, которое имеет мало общего с непрерывной временной последовательностью: прошлое – настоящее – будущее. Все в его сне происходит в настоящее время, явное содержание сновидения, кажется, подчинено определенной линейности. Однако это только поверхностное впечатление, сразу же исчезающее при незначительной ассоциативной работе. Грин обнаруживает сложные временные комбинации, состоящие из воспоминаний, принадлежащих самым разным периодам его прошлого – от относительно недавних событий до других, уходящих в его раннее детство.

Этот простой опыт свободных ассоциаций ставит главный вопрос о *связи времени и бессознательного*. Ответ на него заставляет психоаналитиков пересмотреть *старые концепции времени*, построенные на основе связи времени и сознания.

Грин демонстрирует, как распространенное в некоторых психоаналитических направлениях желание «отменить Оно» забирает у времени *самую мощную диалектическую силу*, порождая в лучшем случае «наивный генетический подход» с потерей самой сути психоанализа. Последователи различных школ, ориентированные на анализ «объектных отношений», имплицитно (а иногда и явно) устанавливают символическое равенство: *аналитик = объект* (или другой субъект). Подобный подход, направленный на исследование взаимодействия *аналитической двоицы*, кажется им совершенно достаточным для осуществления психоанализа, и нет необходимости обращаться к *интрапсихическим измерениям* обоих участников терапии. Отношения здесь лишены влечений, и, следовательно, влечений нет ни у субъекта, ни у объекта. За идеей субъекта (интерсубъективность) или личности (интерперсональность) скрывается идея *партнеров, чья психическая структура никак не связана с Оно и, конечно, с инфантильной сексуальностью*.

Грин продолжает: «Как бы они ни различались, все подобные подходы – от объектных отношений до психологии Самости или интерперсональности, ставящие акцент на объекте или на его комплементарной паре, как бы последнюю ни называли – Я, Самость, субъект, – все они основаны на общем для них постулате, следствием которого является не только отказ от теории влечений, но и нечто гораздо более серьезное. Все они предполагают возврат к концепции времени, порожденной генетической психологией, и порывают с основными элементами теории, содержащейся в работах Фрейда, возвращаясь ко времени, которое развертывается в традиционных координатах: прошлое – настоящее – будущее» (Green, 2000, p. 143).

Причиной подобного отказа от влечений, как полагает Грин, стал возврат к «научно ориентированной» идее о необходимости проведения наблюдений. Именно она и заменила подлинную психоаналитическую мысль, согласно которой *полиморфизм* психоаналитического отношения, основанного на слушании, рассматривается в связи с медиатизацией раздробленного времени.

Сознание подразумевает причинность. Время в мире сознания является основой этой причинности – основой связи между причиной и следствием. Безвременность бессознательного портит всю картину. Влечения начинают играть важнейшую роль в организации времени – выполнять функцию, полностью противоположную той, которая связывала время и сознание.

Все эти размышления приводят Грина и многих других французских аналитиков к отказу от старой концепции времени, в пользу новой, основанной на феномене *après-coup*.

В своей недавней статье «Time and the *après-coup*» британский аналитик Дана Биркстед-Брин предпочитает использовать французский термин *après-coup*⁸, а не его немецкий оригинал – фрейдовское понятие *Nachträglichkeit*, «для того чтобы подчеркнуть именно третье значение *Nachträglichkeit* – ретроспективное приписывание смысла, фокусирование на котором основывается на целом корпусе французских психоаналитических работ» (*Birksted-Breen, 2003, p. 1502*). Она ссылается на особенный интерес некоторых британских психоаналитиков к французским концепциям. Это очень известные имена – Кохон (Kohon), Митчел (Mitchell), Перелберг (Perelberg), Парсонс (Parsons), Боллас (Bollas), Кеннеди (Kennedy).

Вместе с тем серьезные теоретические и технические различия между двумя школами сохраняются. Критикуя психоаналитическую концепцию развития и ссылаясь с иронией на «знаменитое здесь и сейчас», Андре Грин признает, что оригинальность французская позиция обрела во многом под влиянием Жака Лакана. Последний всячески противостоял любой форме генетического подхода, считая его несовместимым с диалектическими идеями. Грин полагает, что необходимо поблагодарить Лакана за то, что «ценность фрейдовской концепции *Nachträglichkeit* снова была выдвинута и стала фундаментальным теоретическим стержнем для французского психоанализа. Потребовалось много времени для того, чтобы зарубежные коллеги признали наш интерес, но кажется, совсем недавно они стали особенно успешны в этом. Без преувеличения можно рассматривать эту концепцию как подрывающую классическую временную модель и в то же время обеспечивающую основу – по крайней мере частично – для специфики психической нелинейности в психоанализе» (*Green, 2000*).

Наше интуитивное понимание настоящего как процесса между прошлым и будущим, согласно Грину, является *иллюзорным*. Различные стороны предшествующего опыта связаны вместе во времени. В отличие от линейной концепции времени, *настоящее может влиять на прошлое*. Это означает, что с человеком может произойти некоторое событие, которое не будет иметь для него серьезного смысла и последствий в тот момент – только «оставит свои отметки на психике» (Грин).

⁸ По тем же самым причинам, что и Дана Биркстед-Брин, мы используем французский термин *après-coup* вместо русского перевода немецкого *Nachträglichkeit* (отсроченное действие).

Эта «психическая матрица» получит повторное пробуждение и новое значение позже – *ретроспективно*, когда спустя определенное время другое более или менее случайное событие внезапно придаст новый смысл прошлому событию. Это модель *après-coup*.

Таким образом, ретроспективно второе событие придает первому значение, которое существовало до этого лишь в состоянии *виртуальности*, наряду с целым рядом других возможностей. Это фиксирует только одну из различных возможностей развития психической матрицы первого события. Этот новый смысл первого события прогрессивно влияет уже на потенциальные значения второго события (третьего, четвертого...), снова выбирая и пробуждая одно из них. Так создается *ретроспективное эхо*.

В анализе при регрессии пациент не возвращается в исторически реальное состояние прошлого, он развивает в определенной степени новый опыт. В этом смысле перенос является чем-то новым, приносящим *нечто иное*, путем механизма *après-coup*, в прошлый опыт и придавая ему тем самым новый смысл. Таким образом, *après-coup* – это подлинное переживание, придающее прошлому ретроспективный смысл. Что-то из того, что уже было сказано в анализе, может изменить свое значение в свете более нового движения. Как говорит Жан-Люк Доннэ (2001), «фактически, интерпретация, когда она мутационная – происходит ли она от пациента или от аналитика, – приходит, когда хочет: это дело *après-coup*, и ее появление неочевидно и непредсказуемо».

Как следствие нового понимания времени, Грин (2000) предлагает свой взгляд на происхождение психической травмы. Он предполагает, что серьезные расстройства возникают в ситуациях, когда психические травмы из различных временных периодов жизни сталкиваются, придавая новый смысл друг другу. В нелинейной модели психического развития Грина эти травмы не существуют в последовательном временном континууме. Время взрывается и раскалывается на осколки, которые продолжают оставаться в состоянии напряжения по отношению друг к другу.

Психическая организация не перестает менять себя с течением времени. Травма происходит не только в прошлом, она может случиться во взаимодействии настоящего момента с прошлым. Таким образом, психическая причинность не является регрессивной – проблемы человека не обязательно заложены в прошлом, и концепция времени является прогрессивной в той же степени, насколько и регрессивной, и представляет собой древовидную структуру, которая постоянно пробуждает не выраженные ранее потенции, производящие ретроспективное эхо.

«Кто сможет сказать, сколько времени будет продолжаться анализ? С начала этой конкретной практики длительность терапии заметно возросла. Таким образом, увеличивающийся опыт не влияет на сокращение времени лечения. Требуемое время – которое стало неопределенной протяженности – для анализа с финалом, не поддающимся предвидению, стало разубеждающей причиной для того, чтобы не подвергаться

анализу. На вопрос "Как много времени это займет?", часто задаваемый людьми, думающими подвергнуться анализу, психоаналитик ответить не может – не потому, что он желает усилить ощущение мистики, но потому, что правда заключается в том, что он просто не в состоянии на него ответить. Это происходит именно потому, что пациент еще не находится в аналитической ситуации (Жан-Люк Доннэ), но еще и потому, что аналитик не может контролировать время и не может знать, в каком ритме бессознательное будет раскрываться в истинном свете, а также какие препятствия могут возникнуть. Более того, постоянно наблюдается, что этот вопрос теряет свою актуальность и для анализируемого с момента начала анализа... Когда аналитический процесс уже начался, он сопровождает жизнь человека определенное количество лет. Его окончание – болезненная тоска, по сравнению с которой мировая скорбь почти ничто» (Green, 2000, p. 45).

Завершение – важнейшая часть аналитического процесса, в ходе которого аналитик является *хранителем времени* – знания, что анализ имеет как *вневременную* природу, так и *начало и конец*, так же как и каждая сессия. Хранитель времени, хранитель *границ* внешних и *внутренних* – Третий в лице постэдипова Сверх-Я – останавливает всегда существующий симбиоз, *folie à deux*. Бернар Шерве (1998) так говорит об этом: «Аналитик – страж времени, он все время смотрит на часы, в то время как анализируемый занят тем, чтобы сделать динамичной вечность своего бессознательного. Предполагается, что он забыл о времени».

Всегда присутствующие в психической реальности аналитика внутренние границы и их хранитель, постэдипово Сверх-Я, – одно из его главных приобретений в ходе собственного психоаналитического образования (Green, 2002). Другое приобретение – парадоксальная способность забывать о времени вместе с пациентом, теряя свою идентичность, создавая химеру вдвоем. *Сочетание этих двух подлинно аналитических способностей может принести в анализ время, рожденное двумя для удивления, творчества и жизни.*

Французская психоаналитическая школа – это процесс-ориентированное направление психоанализа, главная цель которого – освобождение ассоциативного процесса с его вневременным характером, что представляется краеугольным камнем аналитического усилия (Доннэ, 2001). Приоритетом при этом является развитие творческих возможностей человека, прямо связанных со способностью психически функционировать без вытеснения и расщепления, способностью принимать различные аспекты своей личности и, что, возможно, самое важное, – *самостоятельно поддерживать и продолжать внутренний аналитический процесс уже после окончания работы с аналитиком, делая его тем самым для себя по-настоящему вневременным.*

В области объектных отношений психоанализ направлен на развитие индивидуальной способности получать больше удовольствия во взаимоотношениях с другими людьми, что требует признания Другого в его отличии и принятия амбивалентности, связанной с этим. В соответствии с гипотезой о всемогуществе амбивалентность обусловлена самим фактом

существования *отличного от субъекта Другого*, что на эдиповом уровне означает существование половых различий, различий поколений. «*Возвращение к себе происходит окольным путем через Другого*» (Грин). Это всегда представляет собой угрозу индивидуальному нарциссизму. Соответственно, развитие личности – это выход за пределы желания быть *Одним* к стремлению стать *больше, чем Одним*. Эвелин Кестембёрг говорила, что *человек всегда или Один, или Три*. В то же время признать, что *Я есть Три*, означает принятие различия полов и поколений, что достигается в ходе непростого психического развития и серьезной внутренней работы.

Ференци говорил, что по-настоящему свободные ассоциации в действительности возможны только в конце анализа, так как только тогда становится возможным достаточно свободное сообщение между различными психическими системами – между сознательным и бессознательным через предсознательное. Учитывая основную роль, которую играет свободная ассоциация, Андрé Грин (2002) даже предлагает характеризовать аналитическую ситуацию названием *аналитической ассоциации*.

Развитие внутренней свободы, проявляющей себя через открытость новому опыту, встрече с неопределенным и удивительным в жизни без слишком сильных аффективных переживаний, волнений и тревог, сохранение постоянного контакта с внутренней и внешней реальностью, использование аналитического мышления и аналитической ассоциации для личностного развития – это *важнейшая постаналитическая задача*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бержере Ж. Психоаналитическая психопатология / Пер. А. Ш. Тхостова. Москва, МГУ, 2001.
2. Винникотт Д. В. Использование объекта // Антология современного психоанализа / Под ред. А.В. Россохина. Москва, 2000. С. 447–454.
3. Макдугалл Дж. Театр Души: иллюзия и правда на психоаналитической сцене. С.-П., 2002.
4. Макдугалл Дж. Тысячеликий Эрос. С.-П., 1999.
5. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. Санкт-Петербург, 1999.
6. Стрэчи Дж. Характер терапевтической работы в психоанализе // Антология современного психоанализа / Под ред. А.В. Россохина. Москва, 2000. С. 81–106.
7. Bayle G. Les clivages. In Revue Française de Psychanalyse. Tome LX. № Spécial Congrès.
8. Birksted-Breen D. (2003) Time and the après-coup. International Journal of Psychoanalysis. 84: 1501–1515.
9. Boschan P. (1987) Dependence and Narcissistic Resistances in the Psychoanalytic Process. International Journal of Psychoanalysis. 68:109–118.
10. Braunschweig D. et Fain M. (1975) La nuit, le jour. Paris. Presses Universitaire France.
11. Chasseguet-Smirgel J. 1986 Sexuality and Mind New York: New York Univ. Press.

12. *Chervet B.* (1998) De la chimère à l'interprétation. In *L'art du psychanalyste. Autour de l'œuvre de Michel de M'Uzan.* Paris. Delachaux et Niestlé.
13. *Donnet J-L.* (2001) From the fundamental rule to the analyzing situation. *International Journal of Psychoanalysis.* 82: 129–140.
14. *Duncan D.* (1989) The flow of interpretation. The collateral interpretation, forces and flow. *International Journal of Psychoanalysis,* 70: 693–700.
15. *Duparc F.* (2001) The countertransference scene in France. *International Journal of Psychoanalysis.* 82: 151–169.
16. *Green A.* (1973) *Le discours vivant : la conception psychanalytique de l'affect.* Paris. Presses Universitaire France.
17. *Green A.* (1974) *Surface Analysis, Deep Analysis. The Role of the Preconscious in Psychoanalytical Technique.* *International Journal of Psychoanalysis.,* 1: 415–423.
18. *Green A.* (1988) La pratique fondamentale de la psychanalyse. *Revue Française de Psychanalyse,* 52: 569–595.
19. *Green A.* (2000) *Le temps éclaté.* Paris, Ed. de Minuit; *Time in psychoanalysis: Some contradictory aspects.* London: Free Association Books.
20. *Green A.* (2002) *Idées directrices.* Paris. Presses Universitaire France.
21. *Guillaumin J.* (1998). *Transfert, contre-transfert.* Bordeaux-Paris. *L'esprit du temps.*
22. *Kernberg O.* (1993) Convergences and Divergences in Contemporary Psychoanalytic Technique. *International Journal of Psychoanalysis,* 74: 659–673.
23. *Kernberg O.* (1999) Psychoanalysis, psychoanalytic psychotherapy and supportive psychotherapy: contemporary controversies. *International Journal of Psychoanalysis,* 80: 1075–1091.
24. *King P.* (1996) What has happened to psychoanalysis in the British Society? (Unpublished).
25. *Lussier A.* (1991) The search for common ground: a critique. *International Journal of Psychoanalysis.* 72: 57–62.
26. *McDougall J.* (1978) *Le contre-transfert et la communication primitive.* In *Plaidoyer pour une certaine anormalité.* Paris. Gallimard.
27. *M'Uzan M. de* (1994) *La bouche de l'inconscient.* Paris. Gallimard.
28. *M'Uzan M. de* (1988) Stratégique et tactique a propos des interprétations freudiennes et kleiniennes. *Revue Française de Psychanalyse,* 57: 657–663.
29. *Quartier-Frings F.* (1995) Langage et interprétation. In *Une théorie vivante l'œuvre d'André Green.* Paris. Delachaux et Niestlé.
30. *Urtubey L. de* (2002) *Du côté de chez l'analyste.* Paris. Presses Universitaire France.

Psychoanalysis in France. A time born for astonishment

Alain Gibeault, A. Rossokhin

Alain Gibeault, Titular member of the Paris Psychoanalytic Society (SPP), training analyst of SPP, Paste President of the European Federation of Psychoanalysis, Paste Secretary-General of the International Psychoanalytic Association, Honorary Director of the E. and J. Kestembergs Center for Psychoanalysis and Psychotherapy in Paris.

Rossokhin Andrey, Titular member of the Paris Psychoanalytical Society (SPP), Doctor of Science in Psychology, Professor, Head of the Department of Psychoanalysis and Business Consulting at the National Research University "Higher School of Economics", Head of the Master's Programs "Psychoanalysis and Psychoanalytical Psychotherapy" and "Psychoanalysis and Psychoanalytical Business Consulting", member of the International Psychoanalytical Association (IPA), President of the Moscow Psychoanalytical Association (MPA), Honorary President of the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC), Editor-in-Chief of the Journal of Clinical and Applied Psychoanalysis the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC).*

The article describes the key concepts of French psychoanalysis. Various theoretical and technical facets of transference, countertransference, interpretation, chimera of the unconscious, après-coup, etc. are examined.

Keywords: French psychoanalysis, interpretation, transference, countertransference, chimera of the unconscious, après-coup.

* Doctor of Sciences. A post-doctoral degree called Doctor of Sciences is given to reflect second advanced research qualifications or higher doctorates in ISCED 2011.